

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВОЗДЕЙСТВИЯ В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СУДЕБНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ РУССКИХ ЮРИСТОВ)

Функционирование языка и речи. – М.: МГПУ, 2006. - С. 21 – 26.

Одной из актуальных проблем современной лингвистики является специфика реализации вербальных (в частности – лексических) механизмов воздействия на адресата речи. Особенно ярко такие средства представлены в судебных выступлениях известных российских адвокатов конца XIX – начала XX века. Этот период отмечен тем, что в результате судебной реформы 1864 года был введен суд присяжных, а основными принципами отечественного судопроизводства стали состязательность сторон, устность, гласность, непосредственность, участие прокурора и адвоката при рассмотрении криминальных дел. Это стало толчком бурного развития судебной риторики, среди механизмов которой особенно продуктивно использовались лексические средства воздействия: употребление слов в непрямом значении с целью эмоционального воздействия; обозначение одних и тех же явлений внеязыковой действительности разными языковыми знаками, актуальными в определенной ситуации и т.д.

В судебном дискурсе доминирует суггестия как форма речевого воздействия, хотя используются так же информативный и фатический типы. Фатическое воздействие, как справедливо утверждает С.И. Недашковская, «представлено в судебной речи в наименьшей степени, в отличие от всех остальных видов. Оно служит в большей степени для формирования этического образа оратора, его манеры поведения»¹.

Суггестивное влияние в судебном дискурсе заключается в концентрации внимания реципиента на отдельно взятом предмете, объекте, явлении, идее, которые навязываются суггестором. Достигается это преимущественно за счет многочисленных повторов субъектом дефиниции или с помощью отбора

синонимов слова, следовательно, достигается это путем использования лексических средств.

Наиболее часто в судебном дискурсе реализуются такие средства воздействия: 1) актуализация разных типов знания слова и умение их реализовать в судебной практике; 2) умение описать одно и то же явление лексическими средствами, оптимальными для конкретной ситуации; 3) использование слов в переносном значении.

В исследовании судебного дискурса особое внимание привлекает проблема актуализации различных форм знания слова с целью реализации влияния на незаинтересованных (судьи, свидетели, эксперты и т.п.) и заинтересованных (сторона обвинения, сторона защиты, истец, ответчик) участников судебных слушаний и на лиц, присутствующих во время заседания суда. Однако объем нашей работы не позволяет многогранно его описать, потому остановимся более подробно на использовании различных языковых средств для описания одного внеязыкового явления разными участниками коммуникативного процесса и на использовании слов в переносном значении.

Как средство влияния на участников судебных слушаний используется умение разными участниками коммуникативного процесса описать одно и то же явление лексическими средствами, оптимальными для освещения собственной правовой позиции. Как на средство влияния на такие особенности использования лексических средств обращал внимание еще П.С. Пороховщиков, отмечая, что “защитнику всегда выгоднее сказать: *подсудимый, Иванов, потерпевшая*, чем: *грабитель, поджигатель, убитая*”² и т.п. Пример реализации этого принципа организации судебной речи находим в выступлении присяжного поверенного В.М. Пржевальского в защиту Махалина, прозвучавшей в Заседании Московского окружного суда с участием присяжных заседателей по делу игуменьи Митрофани 5 – 19 октября 1874 года. По обвинению в подлогах, мошенничестве, в присвоении, растрате чужого имущества и в соучастии в этих преступлениях суду были преданы начальница Московской Епархиальной Владычне-Покровской Общины сестер Милосердия и Серпуховского Владычного монастыря игуменья Митрофания, Серпуховской 2-й гильдии купец Алексей Платонович Махалин,

которого защищал В.М. Пржевальский, другие. В.М. Пржевальский строил защиту, пытаясь доказать, что Махалин был слабовольным человеком, легко поддавшимся влиянию духовно сильной, деятельной игуменьи Митрофании. Защитник выдвинул на первый план далеко не порочные качества игуменьи, тем самым подчеркнув, что если Махалин увлекся именно ими, то и сам он обладал подобными добродетелями. Адвокат использует такие характеристики игуменьи и ее деятельности: *«И все это дело рук игуменьи Митрофании, над всем этим работает неутомимая труженица — игуменья Митрофания»*; *«Пусть же те дела добра, которые совершила игуменья Митрофания, будут перед вами лучшими ходатаями за нее, и за них многое должно быть прощено...»*; *«Уже с одной внешней стороны высокий сан игуменьи, знатность происхождения, близость ко Двору — все это не могло не влиять обаятельно на такого простого человека, каков Махалин; с другой стороны, самый род деятельности, для которой требовали его услуг, не мог также, конечно, не оставаться без влияния на него. Ему указывали на женщину, говоря, что она лишена своего состояния, поругана своим мужем, изгнана из своего дома, и просили помочь этой несчастной женщине; он видел перед собой общины для призрения сирот, попечения для больных и раненых, и для таких благих целей просили его ничтожных услуг, в которых он не видел ничего противозаконного»*; *«Неужели в самом деле можно ставить в вину человеку то, что человек этот, не одаренный ни силой воли, ни особенною силой ума, подчинился влиянию другого, энергичного и сильного умом человека и, преклоняясь перед ним, доверился ему вполне и безусловно?»*³. Такой вариант влияния базируется на положениях, описанных Р.М. Блакаром⁴, А.Н. Барановым⁵, И.В. Хоменко⁶ и др., которые, вслед за Л.С. Выготским⁷, обращают внимание на то, что обозначение Наполеона I как “победителя при Йене” не одно и те же, что обозначение его “побежденным при Ватерлоо”. Такие смысловые преломления в обозначении явлений внеязыковой действительности широко используются участниками судебного дискурса как средство влияния на суд и присутствующих на судебном заседании, особенно на присяжных заседателей, которые, в отличие от профессиональных судей, более подвержены эмоциональному воздействию. Часто, они сопровождаются одним из

наиболее распространенных методов вербального суггестивного влияния – подменой тезиса. Согласно требованиям судебной аргументации тезис должен оставаться постоянным на протяжении всего доказательства. К сожалению, в судебном дискурсе это правило иногда сознательно или бессознательно нарушается, причем сознательное нарушение можно считать средством воздействия (даже манипулятивного) на участников судебных слушаний, а несознательная подмена тезиса приводит к ошибкам уже сугубо юридическим⁸.

Яркий пример сознательной подмены тезиса находим во втором разделе «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского за февраль 1876 года. Речь идет о деле Кронеберга, защитником в котором выступал известный русский адвокат В.Д. Спасович. Суть дела состояла в том, что *«отец высек ребенка, семилетнюю дочь, слишком жестоко; по обвинению – обходился с нею жестоко и прежде. Одна посторонняя женщина, из простого звания, не стерпела криков истязаемой девочки, четверть часа (по обвинению) кричавшей под розгами: «Папа! Папа!» Розги же, по свидетельству одного эксперта, оказались не розгами, а «шпицрутенами», то есть невозможными для семилетнего возраста. Впрочем, они лежали на суде в числе вещественных доказательств, и их все могли видеть, даже сам г-н Спасович. Обвинение, между прочим, упоминало и о том, что отец перед сечением, когда ему заметили, что вот хоть этот сучок надо бы отломить, ответил: «Нет, это придает еще силы». Известно тоже, что отец после наказания сам почти упал в обморок»⁹*. Далее Федор Михайлович описывает собственное впечатление от защитной речи Спасовича и анализ самой речи, акцентируя внимание на «ловких приёмах» в ней: *«Речь его в этом деле, по моему, верх искусства; тем не менее она оставила в душе моей почти отвратительное впечатление. Видите, я начинаю с самых искренних слов. Но виною всему та фальшь всех сгруппировавшихся в этом деле около г-на Спасовича обстоятельств, из которой он никак не мог выбраться по самой силе вещей; вот мое мнение, а потому всё натянутое и вымученное в его положении, как защитника, само собою отразилось и в речи его. Дело было поставлено так, что в случае обвинения клиент его мог потерпеть чрезвычайное и несоразмерное наказание. И вышла бы беда: разрушенное семейство, никто не защищен, и все*

несчастны. Клиент обвинялся в «истязании» — эта-то постановка и была страшна. Г-н Спасович прямо начал с того, что отверг всякую мысль об истязании. «Не было истязания, не было никакой обиды ребенку!» Он отрицает всё: шпиритены, синяки, удары, кровь, честность свидетелей противной стороны, всё, всё — прием чрезвычайно смелый, так сказать, наскок на совесть присяжных; но г-н Спасович знает свои силы. Он отверг даже ребенка, младенчество его, он уничтожил и вырвал с корнем из сердец своих слушателей даже самую жалость к нему. Крики, «продолжавшиеся четверть часа под розгами» (да хотя бы и пять минут): «Папа! Папа!», — всё это исчезло, а на первом плане явилась «шустрая девочка, с розовым лицом, смеющаяся, хитрая, испорченная и с затаенными пороками». Слушатели почти забыли, что она семилетняя; г-н Спасович ловко конфисковал лета, как опаснейшую для себя вещь. Разрушив всё это, он естественно добился оправдательного приговора; но что же было ему и делать: «а ну, если присяжные обвинили бы его клиента?» Так что, само собою, ему уже нельзя было останавливаться перед средствами, белоручничать. «Всякие средства хороши, если ведут к прекрасной цели»¹⁰.

Особенности судебной системы определяют специфику использования лексических средств воздействия, базирующихся на образно-эмоциональном знании слова носителями языка. Такие лексические средства являются наиболее эффективными, в частности они широко используются в профилактической работе, в политической риторике и т.п. Например, именно такой вариант знания слова доминирует в работе с лицами, больными наркоманией, в религиозных общинах, на которые приходится наибольший процент вылеченных, причем без привлечения лекарств, благодаря именно силе слова. В судебном дискурсе использования или неиспользование лексических образно-эмоциональных ресурсов обусловлено несколькими факторами: 1) какое дело (гражданское или криминальное) рассматривается в суде, 2) кто в судебном заседании имеет право на принятие решения (профессиональные судьи или лица, которые не являются профессиональными юристами, например, присяжные), 3) кто докладчик (профессиональный юрист или человек, не имеющий юридического образования).

В судебных выступлениях, рассчитанных на провозглашение перед судом присяжных, часто используется лексика, употребленная в переносном смысле. Так, тропы широко используются в речах выдающихся ораторов дооктябрьской поры. Например, адвокат В.М. Пржевальский в речи на защиту А.П. Махалина неумышленность действий подзащитного доказывает путем отбора ряда ярких метафор: *“Ослепленный величием сана и общественного положения, подавленный энергией и массой деятельности игумены, Махалин видел во всех своих услугах только одну благую цель и доверился игуменье Митрофании безусловно”*¹¹.

Если в судебном заседании принимают участие преимущественно профессиональные юристы, то количество слов, употребленных в переносном смысле, будет минимальной. Этим объясняется тот факт, что в соответствии с принципами современного украинского судопроизводства влияние на участников судебного процесса совершается путем информирования (на стадии изучения материалов дела) или убеждения. Использование же эмоционально-образных лексических средств является вариантом суггестивного влияния, которое профессионалы часто не воспринимают как корректный метод доказывания истины. Если же функция принятия решения возложена на неспециалистов, например, на суд присяжных, то докладчики в судебном деле прибегают не только к информированию или аргументированному убеждению, а и к суггестивному влиянию на эмоциональную сферу присутствующих в зале суда. Как было сказано выше, именно создание этого судебного органа в 1864 году обусловило развитие отечественной судебной риторики. С этих пор актуализируется значение не только юридического аспекта судопроизводства (он доминирует и его принимают во внимание преимущественно специалисты, хорошо осведомленные с действующим законодательством, могущие свободно его растолковать), а и моральный. Юридическая оценка действия, как отмечал П.С. Пороховщиков, представляет собой рациональное действие, построенное исключительно на законах формальной логики¹². «Моральная оценка не заносится в писанные кодексы; благодаря бесчисленным оттенкам реальной жизни она в большинстве случаев только приближается в большей или меньшей мере к законной, а часто и прямо противоречит ей»¹³. Судебный оратор должен найти

моральную основу дела и выразить его перед судьями. Следовательно, именно на суд присяжных быстрее подействуют не формальные доказательства, а психологическое влияние, которое реализовали в своих судебных речах А. Кони, П. Пороховщикова, Ф. Плевако и другие. Российский писатель В.В. Вересаев, вспоминая о Ф. Плевако, обращал внимание на риторические средства, какими тот умел заморозить слушателей. Он же цитирует одну из самых блестящих и наиболее лаконичных речей адвоката: «Судили священника, который совершил трудное преступление и был полностью разоблачен, не отрицал вины и подсудный. После громовой речи прокурора выступил Ф.М. Плевако. Он медленно поднялся бледный и взволнованный. Речь его состояла всего с нескольких фраз... *«Господа присяжные заседатели! Дело ясное. Прокурор во всем совершенно прав. Все эти преступления подсудимый совершил и сам в них признался. О чем тут спорить? Но я обращаю ваше внимание вот на что. Перед вами сидит человек, который тридцать лет отпуская вам на исповеди все грехи ваши. Теперь он ждет от вас: отпустите ли вы ему его грех?»* И сел»¹⁴. Священника оправдали. Знатоки судебного красноречия М.Г. Михайловская и В.В. Одинцов так прокомментировали этот случай: «Логика логикой, а судят все-таки люди, и доказать еще не означает убедить»¹⁵. Таким образом, сила психологического влияния, сила красноречия (рассчитанные именно на суд присяжных) неопровержима, но главное не забывать при этом о главенстве Закона.

¹ Недашковская С.И. Оценочное воздействие в судебной речи // «Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права» – Ел. ресурс: <<http://irbis.asu.ru/mmc/juris5/r4.ru.shtml>>.

² Сергеич П. Искусство речи на суде. – Тула: Автограф, 2000 – С. 23.

³ Речь присяжного поверенного В.М. Пржевальского в защиту Махалина // Великие российские юристы. – Ел. ресурс: <http://www.juristy.ru/vip/prjeval/prjeval_11.htm>.

⁴ Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальной культуре) // Язык и моделирование социального взаимодействия – Под ред. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88 – 125.

-
- ⁵ Баранов А.Н. Что нас убеждает? Речевое воздействие и общественное сознание. – М.: Знание, 1990. – С. 10.
- ⁶ Хоменко І.В. Еристика: мистецтво полеміки. – К.: Юрінком Інтер, 2001. – С. 71.
- ⁷ Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. – Т. 2. – М.: Педагогика, 1982. – С. 5 – 361.
- ⁸ Пример несознательной подмены тезиса адвокатом Е. Акименко в выступлении в Московском городском суде в 1997 году приведен в журнале «Российская юстиция»: Обвинение не подтверждается материалами дела // Российская юстиция. – 2001. – № 7. – С. 73 – 75.
- ⁹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. Февраль 1876 года. – Ел. ресурс: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/hudlit/classic/dost/dnevnik/d_76_2.htm>.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Речь присяжного поверенного В.М. Пржевальского в защиту Махалина // Великие российские юристы. – Ел. ресурс: <http://www.juristy.ru/vip/prjeval/prjeval_11.htm>.
- ¹² Сергеич П. Искусство речи на суде. – Тула: Автограф, 2000 – С. 123.
- ¹³ Там само. – С. 125.
- ¹⁴ Порубов Н.И. Риторика. – Мн.: Вышэйша школа, 2001. – С. 32.
- ¹⁵ Михайловская Н.Г., Одинцов В.В. Искусство судебного оратора. – М.: Юрид. лит., 1981. – С. 50.